
Т. М. МАХАМАТОВ, Б. С. ГАНИЕВ

ДИСКУРС ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ*

В статье проводится исследование диалектики объективного и субъективного в экзистенции. Авторы обосновывают, что указанная диалектика проявляется в процессе образования экзистенции социального пространства. В ходе исследования применялись широко используемые в современной эпистемологии герменевтический, феноменологический методы, концептуальный анализ, системно-структурный и диалектический подходы. Результатами исследования являются введение понятия экзистенциального социального пространства, раскрытие особенности экзистенции времени, проявляющейся в восприятии экзистенциального субъекта как замедление, остановка или же ускорение времени. Авторы считают, что понятие экзистенции социального пространства разрешает проблему объективности и конкретности в исследовании социальных феноменов и послужит методологической парадигмой для гуманитарных и социальных наук.

Ключевые слова: коммуникация, объективная и субъективная экзистенция, экзистенциальное социальное пространство, экзистенциальность времени, «снятие» экзистенции.

The article examines the dialectic of the objective and the subjective in existence. The authors argue that this dialectic is manifested in the process of formation of the existence of social space. Hermeneutical, phenomenological methods, conceptual analysis, system-structural and dialectical approaches widely used in modern epistemology were applied in the course of the study. The results of the study are the introduction of the concept of existential social space, the revealed features of the existence of time, manifested in the perception of an existential subject as the slowing down, stopping or acceleration of time. The authors believe that the concept of the existence of social space

* **Для цитирования:** Махаматов Т. М., Ганиев Б. С. Дискурс об объективной и субъективной экзистенции // Философия и общество. 2023. № 3. С. 51–67. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.03.

For citation: Makhmatov T. M., Ganiyev B. S. The Discourse on Objective and Subjective Existence // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2023. No. 3. Pp. 51–67. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.03 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2023 51–67

DOI: 10.30884/jfio/2023.03.03

solves the problem of objectivity and concreteness in the study of social phenomena and will serve as a methodological paradigm for the humanities and social sciences.

Keywords: *communication, objective and subjective existences, existential social space, the existentiality of time, the “removal” of existence.*

Введение

На всех уровнях и формах общественной практики взаимодействуют люди со своими проблемами, заботами, особенностями своего психологического мира; они впадают в фрустрацию, действуют с экзистенцией разной степени напряженности [Махаматов, Пулатова 2022]. Поэтому исследование в социальных науках общественных феноменов без учета фактора экзистенции индивидов дает только сухие, бездушные результаты. Такой подход не позволяет раскрыть адекватную диалектику объективного и субъективного в социальных процессах, оставляет нерешенным вопрос, почему объективность в социальных науках является проблемой [Martin *et al.* 2022: 125]. Однако до сих пор при анализе особенностей разных форм совместной деятельности людей исследователи обращают мало внимания на результаты влияния экзистенции участников на духовно-психологическую атмосферу их совместной деятельности. В этом свете вполне логичным и актуальным стало начало формирования экзистенциальной парадигмы в социологии с первой половины 60-х гг. XX в. [Джонсон, Мельников 2008].

Понимание актуальности экзистенциалистского подхода в социологических исследованиях четко отражается в словах представителей экзистенциальной социологии Д. Вейнштейн и М. Вейнштейна. Как они пишут, «подлинная экзистенция – единственная позиция, с которой раскрывается природа самого общества как среды, требующей постоянного подтверждения и реконструкции в ответ на проекты, возникающие из свободы личной экзистенции» [Weinstein D., Weinstein M. 1978: 47]. Однако из-за того, что исследователи обращали главное внимание только на субъективную форму экзистенции, как вытекает из вышеприведенного и других рассуждений представителей экзистенциальной социологии, они не смогли решить проблему объективности. Аналогично в появившихся в последнее время публикациях отечественных авторов Л. В. Баевой [Baeva 2012], И. П. Чередниченко [2010], В. В. Варавы и Т. М. Махаматова [Варава, Махаматов 2021] и др. также исследуется *лишь субъективная экзистенция*. К сожалению, пока что об *объективной экзистенции* в их публикациях и речи нет.

Впервые об объективной и субъективной экзистенциях четко и определенно писал К. Ясперс: «Экзистенция в явлении влечется в две стороны: Она *ищет объективного* как формы и облика жизни, хотела бы раствориться в некотором объективном целом, звеном которого она становится. <...> Так же точно, – продолжает он, – экзистенцию влечет к *субъективному*. Объективное как таковое остается для нее пусто, остается чуждым ей иным. Только там, где объективность становится живо присуща в субъективности силою личных актов всякий раз индивидуального существования, экзистенция *является* себе как *особенная тотальность* объективности и субъективности» [Ясперс 2021: 343].

Объективности ради следует отметить, что в исследованиях К. Юнга [2021], Л. Выготского [2022], Э. Фромма [1994], К. Ясперса [2021], А. Камю [1989а; 1989б], Ж.-П. Сартра [1989; 2003; 2004] и других классиков психоанализа и экзистенциализма наряду с раскрытием влияния экзистенциального состояния индивида на его поведение и психологическое состояние коллектива приоткрывается завеса на диалектику объективного и субъективного в экзистенции. Однако если с субъективностью экзистенции все понятно, то *что собой представляет объективность экзистенции*, до сих пор остается открытым и не исследованным вопросом. Как видно из проблем экзистенциальной социологии и других социальных и гуманитарных наук, выявление *формы объективности* экзистенции и ее концептуализация имеют не только огромное эвристическое, методологическое, но и, по нашему мнению, парадигмальное значение.

Дискурс об объективной и субъективной экзистенции

Общеизвестно, что *объективное* в общественной жизни есть такие процессы, явления и типы взаимодействия людей, которые определяются биосоциальной сущностью человека, потребностями, противоречиями социума и происходят независимо от воли и желания людей, хотя последние, как говорил К. Маркс, в них участвуют осознанно. *Субъективное* же есть то, что происходит по воле и желанию индивида, проявляется в его поведении, поступках, а также происходит во внутреннем духовно-психологическом мире, существенную и *осознанную* часть которого составляет *экзистенция* индивида. Исходя из трудов классиков экзистенциализма К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и А. Камю, трудно согласиться с утверждениями И. П. Чередниченко, что «экзистенциаль-

ный опыт получается в бессознательном состоянии. Он в принципе осмысливается, но не сразу, а потом, когда человек уже “выбросится” из экзистенциального пространства в социальное» [Чередниченко 2010: 150].

Общеизвестно, что социальное пространство образуется как система *взаимодействий людей в их жизнедеятельности*. Под воздействием имеющихся в данном социуме негативных тенденций, социально-психологических напряжений [Ениколопов и др. 2022; Спириин, Буркова 2022; Иоселиани 2020], нерешенных проблем, неадекватного способа организации своей жизнедеятельности в душах образующих данный социум индивидов рождается экзистенция как «чередa чувствований и переживаний» индивида – по К. Ясперсу, как абсурд – по А. Камю и тошнота – по Ж.-П. Сартру.

Однако негативное в социуме порождает не только индивидуальную экзистенцию, но также, содействуя ее кумуляции, способствует образованию экзистенции в социальном пространстве как *объективной экзистенции*. Таким образом, *экзистенциальное пространство является и социальным, и объективным*. Поэтому трудно согласиться с утверждением И. П. Чередниченко, что «экзистенциальное пространство не имеет четких границ и не определяется реальностью бытия. В него включаются как внутренние картины реальных ситуаций, так и фантазии, сны и измененные состояния сознания» [Чередниченко 2010: 148]. В рассуждении этого автора имеет место подмена социально-философского понятия социального пространства психологическим понятием, которое есть субъективное отражение объективного.

Диалектика субъективной и объективной экзистенции особенно четко проявляется в системе образования как на его начальном, так и на дальнейших этапах, включая и систему непрерывного образования. Ведь на непрерывное образование индивида *вынуждают* прежде всего требования общества, указывающего, что для выполнения трудовых обязанностей его знания, умения и опыт становятся недостаточными, без обновления своих профессиональных знаний или же без овладения новой профессией он оказывается ненужным и может потерять свое рабочее место. Такие индивиды начинают осознавать, что социум становится чужим, даже враждебным, и может вытолкнуть их из своего состава. Естественно, пространство такого социума становится *экзистенциальным и объективным* по отношению к индивидам.

При образовании нового социума, например начальных классов в школе, групп первокурсников университетов, *субъективная экзистенция* его участников в виде агрессивности, буллинга (bullying) [Кривцова, Шапкина 2022] также детерминирует образование *объективной формы* экзистенции, что можно определить как экзистенциальное социальное пространство. В то же время экзистенция самих индивидов как субъективная усиливается под давлением объективной экзистенции социального организма. К. Ясперс отмечал, что «экзистенция всегда существует в объективности и субъективности» [Ясперс 2021: 341]. Следовательно, экзистенциальное социальное пространство является диалектическим единством объективной и субъективной экзистенции.

Дискурс об экзистенции социального пространства

Зачатки понятия экзистенциального социального пространства как идеи уже содержатся в словах К. Ясперса, что экзистенция «ищет объективного как формы и облика жизни» [Там же: 343]. Однако термин «экзистенциальное социальное пространство» еще отсутствует.

В публикациях по экзистенциальной социологии также отсутствует понятие экзистенциального социального пространства, однако размышления представителей этой парадигмы содержат в себе философскую проблему диалектического единства субъективной и объективной экзистенции, ведущую к разрабатываемому нами понятию. Например, Д. Вейнштейн и М. Вейнштейн пишут, что «объективизирующие подходы либо расширяют активную трансцендентность личности над эмпирическим “я” и обстоятельствами, либо полностью отрицают независимость личности и не признают никакой трансцендентности. ... Только активная трансцендентность раскрывает значение общества для человека. Утверждение экзистенциализма состоит в том, что социология – либо отрасль онтологии человека, либо это не социология» [Weinstein 1977: 47].

Методологическое значение парадигмы экзистенциальной социологии в разработке понятия экзистенциального социального пространства заключается в том, что ее трудности и проблемы, о чем пишут Дж. Джонсон и А. С. Мельников [2008], в какой-то мере связаны, на наш взгляд, с отсутствием понятия экзистенциального социального пространства, которое могло бы выступить концептуальным основанием систематизации понятий экзистенциальной социологии. Поэтому можно считать, что экзистенциальная

социология опосредованно оказывает методологическую помощь в определении предметной области нашего исследования и указывает на актуальность разработки понятия экзистенциального социального пространства.

Рождение экзистенции в душе индивида обусловлено прежде всего процессом его социализации, происходящим в структуре пространства социума, которое для индивида является объективным. В процессе социализации индивида возникают диалектические противоречия между природной индивидуальностью и требованиями социума, проявляющиеся на каждом новом этапе процесса социализации человека [Махаматов 2018]. В душе человека, осознающего свою природную индивидуальность и уникальность, идет постоянная борьба между природной уникальностью индивида и требованиями социума, диалектически отрицающими ценности индивидуалистических начал в человеке, требующими от него подчинения как традиционным общественным нормам поведения, так и интенсивно изменяющимся условиям жизни общества. Экзистенция индивида проявляется как мысль о своей не востребованности, о своем одиночестве, о социальной пустоте вокруг себя, о смысле своей жизни и своего дальнейшего существования. Как отмечал А. Камю, «решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [Камю 1989а: 223].

Осознание человеком себя как не оцененной коллективом личности и его стремление реализовать свою уникальность в социуме усиливает противоречие, напряженность между коллективизмом социума и индивидуализмом. К. Ясперс писал: «...хотя я неумолимо прикован к своему социальному существованию и получаю в нем свое самосознание в зеркале своей деятельности, я все же еще могу противопоставить ему себя как себя самого. ...Я уже не совпадаю со своим социальным Я, хотя во всякую минуту я в то же время емь в нем» [Ясперс 2021: 34]. Такое объективное диалектическое взаимное отрицание объективного и субъективного и эмоционально-психологическая, нравственно-этическая борьба, социально-психологическая напряженность между социумом и индивидами, о чем, например, пишет М. К. Бардышевская [2022], являются существенными причинами экзистенциализации пространства общества.

Исходя из мысли К. Ясперса, что коммуникация порождает экзистенцию, мы считаем, что, если система коммуникаций как *соци-*

альное пространство содержит в себе социально-психологическую напряженность и конфликтогенность, игнорирование ценности человека, то она становится экзистенциальным пространством.

В произведениях Ж.-П. Сартра и А. Камю имеются мысли, близкие к понятию экзистенциального социального пространства. Например, в романе «Тошнота» Ж.-П. Сартра словами героя романа Антуана Рокантена так изображается пространственное проявление экзистенции как тошноты: «Тошнота не во мне: я чувствую ее там, на этой стене, на этих подтяжках, повсюду вокруг меня. Она составляет одно целое с этим кафе, а я внутри» [Сартр 2003: 33]. В романе же А. Камю «Посторонний» зал судебного заседания для Марсо превращается в экзистенциальное пространство. «Вот и получилось, – рассуждает главный герой романа, – что мое дело разбиралось без меня. Все шло без моего участия. Мою судьбу решали, не спрашивая моего мнения» [Камю 1989б: 69]. Однако пьеса С. Беккета «В ожидании Годо» [Беккет 2019] четко и во всей полноте раскрыла жестокую реальность экзистенциального социального пространства, его корни и особенности, силу его влияния на экзистенцию индивидов и экзистенциализацию восприятия времени экзистенциальными индивидами. Эта пьеса конкретизировала диалектическое единство объективной и субъективной экзистенции и тем самым, можно сказать, поставила перед философией экзистенциализма задачу концептуально-понятийного исследования проблемы объективной и субъективной экзистенции.

Диалектика объективной и субъективной экзистенции заключается в естественно-исторической взаимообусловленности индивида и общества и в том, что общество не есть система взаимодействий *бездушных и бесчувственных* людей-актеров. Как пишут экзистенциальные социологи Дина Вейнштейн и Майкл Вейнштейн, «общество не только присутствует как обстоятельство, окружающее человеческое существование, но и проходит через человеческую экзистенцию таким образом, чтобы быть неотделимым от него» [Weinstein D., Weinstein M. 1978: 42]. Экзистенциальные напряжения индивидов, находящиеся в коммуникации, являются объективными детерминантами экзистенциализации пространства социума. Такое пространство, в свою очередь, оказывая обратное влияние на индивидов, усиливает напряженность их экзистенции, выступает объективным фактором возрождения и усиления экзистенции индивида. Здесь, как писал К. Ясперс, проявляется «особенная тотальность объективности и субъективности» экзистенции [Ясперс

2021: 343]. Чем больше число участников со своими экзистенциями разной интенсивности, тем шире становится экзистенциальное пространство социума. При социальных, финансово-экономических кризисах, военно-политических катаклизмах в том или ином обществе все пространство такого общества может стать экзистенциальным.

Экзистенциальное пространство социального организма для индивида может выступать как пустота и, как показал С. Беккет в диалоге двух основных персонажей пьесы «В ожидании Годо» Эстрагона и Владимира, приводит к игнорированию ценности человеческой жизни:

«Эстрагон. Всю жизнь я как последний идиот копчу небо здесь, в этой паскудной пустыне. ...Наверное, лучше всего было бы меня убить, как того, другого.

Владимир. Какого другого? <...>

Эстрагон. Миллиарды других» [Беккет 2019: 68].

Экзистенциальность социального пространства способствует также усилению противоречия индивида с окружающей его действительностью и превращает онтологию бытия пребывающих в нем людей и самую их жизнь в абсурд. Следовательно, пространство враждебного или же безразличного к своим членам социума, в котором имеют место конфликтность, социально-психологическая напряженность, господство эгоизма и индивидуализма, неопределенность перспективы как для всего социума, так и для его членов, можно определять как *экзистенциальное пространство*.

Динамика экзистенциального социального пространства

Генетическим началом социального пространства является семья, где рождается экзистенция ребенка, у которого формируется самосознание, понятие «Я есть Я», то есть личность. Вхождение ребенка в пространство семейной коммуникации выступает как начальный этап его социализации, в процессе которой в детской душе рождаются зачатки экзистенции, что в свою очередь способствует экзистенциализации семейного пространства. Дальнейшее усложнение и углубление экзистенции подростка, сформированной в семье, происходит в стенах начальных школьных классов и первых курсов университетов [Юнг 2021; Выготский 2022; Фромм 1994]. В атмосфере неизвестности, неопределенности, агрессивного поведения отдельных учащихся в учебной группе юношеская экзистенция усиливается. В последнее время к этим факторам все чаще прибавляется, как отмечают отечественные и зарубежные ис-

следователи психологии школьников, буллинг (bullying), то есть запугивание, издевательство, травля одними учащимися других [Ениколопов и др. 2022; Мооге *et al.* 2017]. Однако, соглашаясь с выводами некоторых авторов о «необходимости внедрения школами эффективных мер по борьбе с издевательским поведением», мы считаем ограниченным сведение буллинга только к «проблемам психического здоровья и употребления психоактивных веществ» [Мооге *et al.* 2017: 60]. Мы считаем, что немаловажной причиной формирования буллинга также являются, во-первых, экзистенция, порожденная в семье, и во-вторых, экзистенция в учебной аудитории, усиливающая первоначальную экзистенцию, что подтверждается результатами исследования Э. Фромма, изложенных в его фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности» [Фромм 1994].

В студенческих группах формирование экзистенции пространства аудитории возникает прежде всего как результат таких *субъективных факторов*, как неуверенность студентов в себе, незнакомство образующих данный коллектив молодых людей друг с другом, тревожное ожидание новых учебных дисциплин и требований преподавателей. В студенческих группах первокурсников доминантами формирования экзистенциального пространства группы выступают также трудности взаимного *уживания*, воссоединения в *понимающую группу*, психологическая, а иногда и агрессивная борьба за завоевание уважения группы, за лидерство, страх оказаться слабым студентом, остаться в одиночестве, то есть непринятым, отвергнутым группой либо понравившимися девушкой или юношей [Буркова и др. 2019].

Закрывающая в себе состояние неопределенности и чуждости для сознания и психологии учащихся атмосфера формирующейся учебной группы как *объективный фактор* ускоряет процесс образования экзистенциального социального пространства. Образовавшаяся экзистенция социального пространства оказывает обратное усиливающее воздействие на субъективную экзистенцию студента, превращая его в «человека абсурда» (Камю). В случае, когда образующийся социум довлеет над индивидом, как отмечал Л. С. Выготский, «это значит, что человек не справляется с воздействиями, идущими на него извне, он не может ответить на них адекватными реакциями. Требования, которые предъявлены к нему сейчас ситуацией, оказываются слишком трудными для того, чтобы он мог моментально к ним приспособиться. В этом случае человек реаги-

рует на критическую ситуацию отрицательными эмоциональными реакциями. Страх, гнев, горе, грусть и все разновидности отрицательных эмоций имеют место в этом случае» [Выготский 2022: 160].

Немаловажную роль в процессе усиления *субъективной* экзистенции у студентов и образования *объективного* экзистенциального пространства играет отношение преподавателей к первокурсникам. Бестактность преподавателя, чрезмерная его строгость или лояльность, повышенная требовательность или его безразличие в отношениях к студентам, к их успеваемости может вызвать у них душевную боль, агрессивность, превратить пространство студенческой аудитории в абсурд [Lerner *et al.* 2021; Lombardi *et al.* 2022]. В то же время у самого преподавателя, особенно молодого, иногда возникают тревожность, сомнение в успешном установлении взаимопонимания со студентами, в умении завоевать их уважение к себе и к преподаваемой им дисциплине. Эти психологические переживания углубляют его имеющуюся экзистенцию, усиливают экзистенциальное напряжение. Как писал К. Ясперс, «в явлении экзистенции есть непрестанно возобновляющееся напряжение» [Ясперс 2021: 343]. Кумуляция студенческой экзистенции с преподавательской усугубляет экзистенцию социального пространства группы.

Следует также особо отметить существенное изменение отношения учащихся к преподавателям как последствие экстенсивного наступления «академического капитализма» [Gretsky, Lerner 2021; McInerney *et al.* 2018], что является еще одним значительным *объективным фактором* усиления экзистенции преподавателей, учащихся и экзистенциализации академического пространства.

В группах системы непрерывного образования также у слушателей возобновляется экзистенциальная напряженность и формируется экзистенциальное социальное пространство. Как известно, люди становятся слушателями учреждений непрерывного образования в результате устаревания своих профессиональных навыков и знаний, что создает страх потерять свое рабочее место, неуверенность в своем будущем. Такое состояние, которое все больше расширяется и становится интенсивным, у многих работников разных сфер возрождает экзистенциальное напряжение. В таком пространстве у них есть, как писал А. Камю, «только эта плотность и эта чуждость мира – этот абсурд» [Камю 1989а: 231]. Система непрерывного образования для них выступает способом борьбы со своей экзистенцией, своего рода сизифовым камнем. Как отмечал Э. Фромм, человеческие эмоции и «страсти соответствуют экзистенциальным

потребностям человека, а последние в свою очередь определяются специфическими условиями человеческого существования» [Фромм 1994: 23].

Следует отметить, что во всех сферах общества имеет место как специфическая форма взаимосвязи взаимное отрицание как между средой и индивидом, так и между самыми членами одного социума. Происходит экзистенциально-психологический вариант «войны всех против всех», что также приводит к образованию экзистенциального социального пространства. У каждого индивида формируется экзистенциальный вакуум в его жизненном мире. В таком пространстве, как отмечает один из представителей экзистенциальной социологии, происходит социально-психологический разрыв, или разъединение, внутренних связей социума, в результате чего возникает, по словам М. Болль Де Баля, так называемое сообщество *de'liance*. Для индивидов в социуме данного типа характерно то, что у них происходит внутренний разлад с самими собой, то есть экзистенциально-психологический *de'liance*. В то же время у них нет и воссоединения, *reliance*, ни с другими членами своего сообщества, ни с внешним миром, то есть у них социально-экзистенциальный *de'liance* [Bolle De Bal 2003], что можно рассматривать как объективацию экзистенциальности пространства данного социума. Как писал К. Ясперс, «сколько бы коммуникация ни отменяла одиночества, в ней растет новое одиночество, которое не может исчезнуть, если вместе с ним и я сам не перестану существовать как условие коммуникации» [Ясперс 2021: 65].

Возобновление экзистенциального напряжения индивидов и расширения пространства социумов детерминировано финансово-экономическими кризисами, социально-психологическими, военно-политическими кризисами и негативными событиями в стране и глобальном мире [Dürschmidt 2015] и отсутствием позитивной перспективы на ближайшее время. Пространство общества становится экзистенциальным также тогда, когда последнее безразлично к судьбам своих граждан. В таком обществе индивиды или находятся под постоянным гнетом, в бесправии, или же брошены на произвол судьбы, «кормятся» пустыми обещаниями властей. Такое общественное экзистенциальное пространство, пронизывая все сферы общества, его большие и малые социальные группы, порождает экзистенцию в их пространствах и душах членов малых и средних социумов.

Экзистенциальное пространство в литературе

Художественное раскрытие особенностей экзистенциального социального пространства мы встречаем в произведениях экзистенциальных писателей-философов. Они ценны тем, что посредством образов легко и доступно раскрывают суть объективной и субъективной экзистенции. Например, в романе А. Камю «Посторонний» подробно раскрывается, как образование экзистенциального пространства превращало отношения главного героя романа Марсо с социальной средой в абсурд, усиливало в нем сознание своего одиночества, сознание, что он чужой, посторонний в этой жизни. Экзистенциальное пространство глубоко и доступно раскрывается в произведениях Ф. Кафки, Г. Маркеса, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, Ч. Т. Айтматова и т. д.

Одним из ярких примеров художественно-философского отражения особенностей и корней экзистенциального социального пространства и времени, как отмечают исследователи С. Беккета [Samuel... 2006; Octavian... 2007], является его нобелевская пьеса «В ожидании Годо». Годо – аллегорический образ того общества, от которого годами безнадежно ждут помощи и никак не дождутся нищие бродяги Диди (Владимир) и Гого (Эстрагон), того общества, которому эти люди не нужны, но которое каждый день через регулярно меняющегося посыльного мальчика дает им бесконечные пустые обещания прийти на помощь завтра, которое никак не наступает. При размышлении Эстрагона и Владимира, чего же они ожидают от Годо в ответ на их просьбу, «что-то вроде молитвы», выясняется, что Годо ничего не может обещать, что он должен подумать, посоветоваться с семьей, со страховыми агентами, посмотреть бухгалтерские книги, счет в банке, тогда уже и решит, чем помочь [Беккет 2019: 13–14].

Другой аллегорический образ общества – Поццо. В его словах: «Я не очень хорошо помню, что я вам наговорил, но можете поверить, ни капли правды в моих словах нет»; «Да, с этим народом не следует либеральничать. Они этого терпеть не могут», в его отношении к слуге Лаки отражается жестокость и лицемерие в социальной политике такого общества [Там же: 38, 98]. Естественным результатом такого отношения общества к своим гражданам является проявление абсурдных людей Диди, Гого, Лаки, и главное – формирование экзистенциального социального пространства. Однако участием такого общества, порождающего экзистенциальное

пространство, и такого населения, состоящего из абсурдных людей вроде Лаки, как показывает С. Беккет на примере судьбы персонажей Поццо и Лаки во втором действии, будет печальный конец.

Как показал С. Беккет в своей пьесе, в экзистенциальном пространстве общества для индивидов, подобных Владимиру и Эстрагону, время теряет свое значение, протекает вне их, превращается в абсурд. Эстрагон спрашивает у Владимира: «...И суббота ли сегодня? А вдруг сегодня воскресенье? Или понедельник. Или пятница. ...Или четверг» [Беккет 2019: 14]. Еще Ж.-П. Сартр писал, что время в экзистенции человека индифферентно, «связь Времени является чистым призраком», само же «Время является чистым ничто-в-себе...» [Сартр 2004: 241].

В «Постороннем» А. Камю главного героя романа Марсо время тяготит как абсурдный груз бытия. «Тянется-тянется день, и не заметишь, как он сливается с другим днем, – рассуждает он. – И названия их теряются. “Вчера” и “завтра” – только эти слова имели для меня смысл» [Камю 1989б: 60]. Или же время неуловимо мчится, как для Холдена в повести «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера.

Таким образом, как показано в экзистенциальных произведениях, экзистенция социального пространства как результат социально-психологически напряженной системы взаимодействий индивидов, полного безразличия общества к ценности жизни своих граждан превращает все аспекты жизни индивидов в абсурд, усиливает их фрустрацию, порождая и усиливая напряжения объективной и субъективной экзистенции.

Заключение

Предложенное нами понятие «экзистенция социального пространства» и исследование факторов его образования конкретизирует концепцию К. Ясперса о единстве, как он пишет, «тотальности» объективной и субъективной экзистенции. В экзистенциальном социальном пространстве раскрываются объективные основы субъективной экзистенции как самопознание боли души индивида, генезиса ее сизифова камня. Различие, диалектическая противоречивость объективной и субъективной экзистенции проявляется в способах их преодоления или смягчения.

О возможных способах преодоления субъективной экзистенции, или борьбы с ней, писали и Ж.-П. Сартр в работе «Экзистенциализм – это гуманизм», и А. Камю в «Мифе о Сизифе. Эссе об

абсурде». Так, Ж.-П. Сартр в указанной выше работе, защищая философию экзистенциализма и раскрывая ее суть, пишет, что «экзистенциализм нельзя рассматривать ни как философию квиетизма, ибо экзистенциализм определяет человека по его делам, ни как пессимистическое описание человека: на деле нет более оптимистического учения, поскольку судьба человека полагается в нем самом» [Сартр 1989: 335].

Согласно А. Камю, верным способом диалектического «снятия» экзистенции в душе индивида является формирование в каждом человеке упорства Сизифа и понимания им, что «он тверже своего камня», «ему принадлежит его судьба» и «он выше своей судьбы» [Камю 1989а: 306, 307]. Наше исследование приводит к выводу, что проблемы экзистенции выдвигаются на первый план особенно тогда, когда в обществе, в малых и средних социумах не хватает милосердия, гуманизма, евангельских принципов, когда нет стремления найти пути духовной гармонии [Махаматов 2018], когда общество и граждане становятся наподобие персонажей Годо, Поццо, Лаки и «абсурдных», по А. Камю, Владимира и Эстрагона в пьесе С. Беккета.

Однако способы диалектического преодоления или смягчения субъективной экзистенции [Махаматов, Пулатова 2022] не применимы для снятия экзистенции социального пространства. Здесь мы, исходя из результатов исследований отечественными [Спирин, Буркова 2022; Кривцова, Шапкина 2022; Бардышевская 2022; Гилева 2022] и зарубежными психологами [Mooge *et al.* 2017] проблем разрешения конфликтов в малых социумах, буллинга в школьных стенах, можем лишь высказать свои предположения по смягчению, снятию экзистенции социального пространства.

Одним из способов регулирования экзистенциальной напряженности должно быть преодоление чрезмерного индивидуализма, ограничение возможности одиночества, безразличия общества к личности, что Э. Фромм обозначает как «аномию, понимаемую как недостаток общности». От аномии современного общества, согласно Э. Фромму, «можно будет избавиться при условии радикального изменения всей социальной и духовной структуры общества», когда интересы отдельной личности «будут совпадать с интересами общества, то есть когда основными принципами нашей общественной и личной жизни станут не потребительство и враждебность, а дружелюбие и творческая самореализация» [Фромм 1994: 103].

Социум может снять возникшую экзистенцию своего пространства путем установления понятных, никого не притесняющих и *общепринятых правил поведения* и требований, которые исключали бы возможные конфликты. Социум становится дружественным коллективом, если из него *исключить конкуренцию* между его членами и заменить ее совместной деятельностью с *общей целью и задачей*, в которой каждый индивид видит свою востребованность, свою задачу. Такой способ борьбы с экзистенцией социального пространства должен быть направлен на формирование *коллективной ценности* вместо индивидуализма [Махаматова 2021].

В рамках всего общества, национального государства, на наш взгляд, возникновению экзистенциального социального пространства могут противостоять объективная историческая память, национальная идея, чувство гордости за свою родину, развитие демократии и сильная социальная политика государства. Однако мы считаем, что эффективные меры предотвращения экзистенциализации социального пространства могли бы разработать политическая теория, социальная психология и социальная философия, вооружившись экзистенциальной парадигмой, как, например, современная экзистенциальная социология [Джонсон, Мельников 2008].

В то же время следует иметь в виду, что смягчение или диалектическое снятие экзистенциальности пространства общества не исключает образования экзистенции в пространстве его отдельных сфер. Как в них, так и в обществе в целом постоянно возникают имманентные противоречия и неразрешенные проблемы, которые могут привести к экзистенциализации социального пространства.

Литература

Бардышевская М. К. Деструктивные факторы в развитии младших школьников с социально опасной агрессией // Вопросы психологии. Т. 68. 2022. № 3. С. 59–70.

Беккет С. В ожидании Годо. Пьесы. М. : Текст, 2019.

Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Дронова Д. А., Апалькова Ю. И. Эмпатии, тревожность и агрессия у московских студентов // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 169–188.

Варава В. В., Махаматов Т. М. Новые формы экзистенции в произведениях Ч. Айтматова // Философия и общество. 2021. № 3(100). С. 143–155.

Выготский Л. С. Педология школьного возраста. Лекции по психологии развития. М. : Канон +, Реабилитация, 2022.

Гилева О. Б. Тревожность учащихся в школах с разным уровнем цифровизации образовательного процесса // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 2. С. 69–82.

Джонсон Дж., Мельников А. Экзистенциализм и возникновение, рост и развитие экзистенциальной социологии // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сб. науч. тр. Харьков : Изд-во Харьковского нац. ун-та, 2008. С. 33–40.

Ениколопов С. Н., Назаров В. Л., Зиновьева М. Е. М. Травля в школьных стенах: результаты социопсихологического опроса // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 3. С. 26–34.

Иоселиани А. Д. Глобальное цифровое общество и социальная адаптация к онлайн-повседневности // Век глобализации. 2020. № 2(34). С. 62–71.

Камю А. Миф о Сизифе / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989а. С. 222–318.

Камю А. Посторонний / А. Камю // Соч. М. : Прометей, 1989б. С. 19–82.

Кривцова С. В., Шапкина А. Н. Особенности школьного буллинга, создающие проблемы его выявления // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 2. С. 26–39.

Махаматов Т. Т. Запад и Восток: генетика духовного пути // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 60–67.

Махаматов Т. М., Пулатова Д. А. Основания образования экзистенции и способы ее преодоления // Вестник Финансового университета. Сер. Гуманитарные науки. 2022. № 12(6). С. 46–52.

Махаматова С. Т. Либертарианство как продолжение ценностного слова. Взгляд из России // Вестник Финансового университета. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Т. 11. № 4. С. 30–36.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман. СПб. : Азбука-классика, 2003.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2004.

Спирин Д. А., Буркова В. Н. Авторитетность, агрессия и разрешение конфликтов в сообществе посетителей спортивных залов // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 2. С. 147–158.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994.

Чередниченко И. П. Экзистенциальный опыт реального существования // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 140–151.

Юнг К. Г. Конфликт детской души. М. : Канон+, Реабилитация, 2021.

Ясперс К. *Философия*. Кн. 2. Просветление экзистенции. М. : Канон+, Реабилитация, 2021.

Baeva L. *Existential Axiology* // *Cultura*. 2012. Vol. 9. No. 1. Pp. 73–83.

Bolle De Bal M. *Reliance, déliance, liance: émergence de trois notions sociologiques* // *Société*. 2003. No. 80. Pp. 99–131.

Dürschmidt J. *Globalization and Existential Inequality: The Precariousness of Belonging Understanding the Dynamics of Global Inequality* // *Social Exclusion, Power Shift, and Structural Changes* / ed. by A. Lenger, F. Schumacher. Freiburg : Springer, 2015. Pp. 269–284.

Gretsky M., Lerner J. *Students of Academic Capitalism: Emotional Dimensions in the Commercialization of Higher Education* // *Sociological Research Online*. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 205–221.

Lerner J., Zbenovich C. & Kaneh-Shalit T. *Changing Meanings of University Teaching: the Emotionalisation of Academic Culture in Russia, Israel and the US* // *Emotions and Society*. 2021. Vol. 3. No. 1. Pp. 73–93.

Lombardi L., Mednick F. J., De Backer F., Lombaerts K. *Teachers' Perceptions of Critical Thinking in Primary Education* // *International Journal of Instruction*. 2022. 15(4). Pp. 1–16.

Martin J. G., Kralik R., Tvrdon M., Jenisova Z., Pekarcik L. *The Problem of Objectivity in the Social Sciences: an Introduction* // *Xlinguae*. 2022. Vol. 15(1). Pp. 125–135.

McInerney D. M., Korpershoek H., Wang H., Morin A. J. S. *Teachers' Occupational Attributes and Their Psychological Wellbeing, Job Satisfaction, Occupational Self-concept and Quitting Intentions* // *Teaching and Teacher Education*. 2018. No. 71. Pp. 145–158.

Moore S. E., Norman R. E., Suetani S., Thomas H. J., Sly P. D., Scott J. G. *Consequences of Bullying Victimization in Childhood and Adolescence: A Systematic Review and Meta-analysis* // *World Journal of Psychiatry*. 2017. Vol. 22. No. 7(1). Pp. 60–76.

Octavian Saiu *Metaphors of Spectatorial Space in Beckett's and Ionesco's Theatre* // *Double Dialogues, Refereed Arts Journal*. 2007. June. Pp. 307–328.

Samuel Beckett – *One Hundred Years* / ed. by Ch. Murray. Dublin : New Island Press, 2006.

Weinstein D., Weinstein M. *Self, Society, and Social Control: An Existential Perspective* // *Humanity and Society*. 1977. Vol. 1. Pp. 104–115.

Weinstein D., Weinstein M. *An Existential Approach to Society: Active Transcendence* // *Human Studies*. 1978. Vol. 1. Pp. 38–47.